

От слактивизма к республике

ПОЧЕМУ ИНТЕРНЕТ-РЕВОЛЮЦИИ СТАНОВЯТСЯ РЕАЛЬНОСТЬЮ

Кирилл Мартынов



ТЕРМИН «интернет-революция» широко распространен в актуальном политическом словаре. Он употребляется в двух отдельных значениях, связанных друг с другом, но далеко не идентичных. В контексте культурологических и социологических изменений, характерных для последнего десятилетия, об интернет-революции говорят как о радикальных изменениях в моделях создания, накопления и распространения знания. В этом отношении интернет закономерно сопоставляется с технологиями письменности и печати, каждая из которых повлекла за собой целую серию сдвигов в социальной, политической и экономической жизни людей. Во втором, более локальном смысле слова, под интернет-революцией понимается смена политического режима в конкретной стране, инициированная, заданная или даже реализованная различными формами сетевого активизма. Здесь обычно говорят о Facebook-революции (Иран), Twitter-революции (Египет), популярна соответствующая риторика и в отношении событий 2011–2012 годов в России, а также политической сцены в других постсоветских республиках. Вообще, гипотеза смены политического режима в рамках сетевого активизма предполагает описание современности как эпохи серийных интернет-революций, которые необходимо и неотвратимо концентрируются вокруг авторитарных правительств по всему миру. Пророки интернета как нового оружия революционного класса видят в нем силу, способную не только изменить мир в долгосрочной культурной перспективе, но и конкретный источник, в котором угнетенный народ уже сегодня может черпать энергию для борьбы с тиранией¹.

1. Подобные настроения характерны для многих политически ангажированных пользователей российского интернета, однако они распространены

Интернет-революция в первом смысле слова сегодня широко обсуждается в литературе. Вопрос о том, как развитие интернета влияет на общество, рассматривается с самых разных сторон, причем особенно интересными оказываются голоса скептиков. Джарон Ланир, один из пионеров веб-технологий и автор концепции виртуальной реальности, опубликовал манифест «Вы не гаджет», в котором заявляет, что социальные сети и блоги повели человечество по ложному пути — вместо творчества и индивидуальности здесь поощряются поверхностные суждения и скорость создания и потребления контента². Известный публицист Николас Карр развивает похожие идеи в своем бестселлере «Отмели»³. Сразу несколько авторов стали известны благодаря текстам о том, что развитие онлайн-присутствия и онлайн-сообществ людей вырывает нас из реальных форм общности, ограничивает наши возможности в реальной дружбе и солидарности⁴. В свою очередь, многочисленные сетевые оптимисты держат оборону, вдохновляемые как гуманистическими и когнитивными перспективами дальнейшего развития интернета, так и его выдающимися маркетинговыми возможностями. В этой прогрессивной партии состоят, например, Крис Андерсон, Дон Тапскотт и Клэй Ширки⁵. Голоса культурных консерваторов и цифровых инноваторов создают обширную полемику, в которой, однако, возникают и некоторые точки всеобщего согласия. По большому счету, оно уже достигнуто в главном: нет никаких сомнений в том, что интернет действительно меняет нашу культуру.

С актуальной политикой все обстоит сложнее. Вопрос о том, как интернет влияет на динамику политических режимов и их смену, окружен целой серией мифов, страхов и надежд, которые в равной степени питают как сторонников использования сети в качестве авангарда революции, так и государственных чиновников, увидевших в сети вызов собственной монополии

ны и в других частях мира. Особенно это характерно для внешних наблюдателей, не знакомых с политической историей обсуждаемого региона, или активистов, непосредственно вовлеченных в протест «на земле». См., например: *Campbell D. G. Egypt Unshackled: Using Social Media to @#:) the System.* Cambria Books, 2011.

2. Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Corpus, 2011.
3. Carr N. *The Shallows. What The Internet is Doing to Our Brains.* NY: W.W.Norton & Company, 2011.
4. См., например: *Keen A. Digital Vertigo: How Today's Online Social Revolution Is Dividing, Diminishing, and Disorienting Us.* NY: St. Martin's Press, 2012.
5. Литература, связанная с когнитивными и экономическими преимуществами общества развитого Интернета, обширна. В качестве примера дискуссии можно привести: *The Digital Divide: Arguments for and Against Facebook, Google, Texting, and the Age of Social Networking.* NY: Tarcher, 2011.

на контроль над обществом. Источником этих мифов является непонимание внутренней динамики развития сети, границ такого развития, соотношения сетевого и социального в традиционном «оффлайновом» смысле слова. Если культурные функции интернета часто дискутируются профессиональными изобретателями, маркетологами и бизнесменами, сделавшими свои карьеры в интернете, то для большинства политиков последний до сих пор остается чужой территорией, на которую лишь изредка совершаются осторожные вылазки. В России в этом смысле показательно даже не очевидное противопоставление правителей, имеющих аккаунт в Twitter'e, и полностью отказывающихся от такой возможности прямого общения с народом (что, конечно, напоминает сардонически прочитанного Диогена Лазертского — «Некоторые философы оставили после себя сочинения, а другие совсем ничего не писали»). Еще лучше обратить внимание на судьбу некоторых молодых губернаторов, пытавшихся заставить своих подчиненных использовать интернет в повседневной работе. Все эти губернаторы к весне 2012 года оказались уволенными.

Ситуация усугубляется тем, что современное политологическое знание отстает от темпов развития интернет-сообществ и интернет-технологий. Особенно это заметно в России, где серьезная научная литература о социальных сетях практически отсутствует. Но и на Западе трактаты о политических функциях интернета либо выходят из-под пера политических активистов, либо принадлежат правительственным экспертам. И те, и другие, как правило, склонны преувеличивать роль интернета в актуальных политических событиях. Активистов прельщает образ новой сетевой демократии, в рамках которой неорганизованные массы пользователей стихийно координируют свои действия по образцу Wikipedia, вступают в схватку с авторитарными режимами и если и не выходят из нее победителями, то, по меньшей мере, видят себя героями сопротивления. Здесь популярны абсурдные, ни на чем не основанные лозунги о «политике без лидеров», «отмирании политических партий» и «прямой демократии». Карьеры правительственных экспертов в области интернета, с другой стороны, как правило, напрямую зависят от того, насколько серьезной угрозой они смогут представить сеть для своих патронов. Они должны диагностировать сетевой активизм как серьезный вызов государству, чтобы получить от последнего бюджет на борьбу с угрозой. Наиболее масштабный пример здесь — создание так называемой Великой китайской электронной стены (Great Firewall of China), национальной системы цензуры в интернете, на разработку и эксплуатацию которой правительство Китая уже потратило более миллиарда

долларов. В России, как и в Китае, существует целый рынок неформальных информационных услуг, которые блогеры оказывают правительству через сеть посредников. Периодически подробности таких сделок становятся достоянием обществу, что еще больше укрепляет публику во мнении о серьезном политическом влиянии интернета.

Оценить реальную роль сети в современной политике трудно даже в отношении официальных выборов, где существует подробная и достоверная статистика. Много сказано, например, о том, что Барак Обама стал первым «интернет-президентом» США, выиграв выборы 2008 года благодаря кампании, построенной на потенциале социальных сетей. В этом смысле его сравнивают с Джоном Кеннеди, которого называли первым «теле-президентом»: Кеннеди выиграл знаменитые дебаты с Ричардом Никсоном в 1960 году, заложив тем самым новую традицию медийной демократии. Обама действительно активно использовал интернет в качестве рекламной площадки, причем особенно удачно удалось задействовать Youtube в качестве бесплатной альтернативы традиционному телевидению. Его сторонники в сети вели активную пропаганду и собирали средства в поддержку своего кандидата по модели онлайн-микрораздачек, распространенных в сетевой торговле. И тем не менее, степень зависимости между успехом Обамы и его активностью в интернете остается неясной. Общим местом стало утверждение о том, что победа Обамы в результате была обеспечена молодежью: 66% избирателей в возрасте до 30 лет проголосовала в 2008 году за кандидата от демократов. Однако та же самая электоральная статистика показывает, что абсолютное число молодых избирателей, пришедших на выборы президента США в 2008 году, было значительно ниже числа молодежи, голосовавшей на выборах в 1970-х годах. В 2008 году проголосовало 46% молодых граждан США, в 1972 году эта цифра составляла 53%⁶. Старшее поколение традиционно голосует значительно активнее. Чуть ли ни в каждой газетной публикации о первой президентской кампании Обамы упоминается ультрамодный тогда термин Web 2.0, однако никто до сих пор не оценил, насколько успешной оказалась сетевая составляющая кампании с точки зрения привлечения реальных людей к избирательным урнам. Более того, никто не знает, как имидж политического лидера в сети влияет на его имидж в большом обществе. В конце концов, в отличие от телевидения во второй половине XX века интернет сегодня не является единственным доминирующим ме-

6. По данным Census Bureau. URL: <http://www.census.gov/hhes/www/socdemo/voting/index.html>.

диа. И ни один сетевой герой, не обладающий массовой организацией сторонников, то есть политической партией, до сих пор не выиграл ни одних национальных выборов.

Что же можно сказать о роли интернета в уличной политике? Наиболее часто в этом контексте вспоминают о так называемой Арабской весне конца 2010 — начала 2011 года, закончившейся, в частности, падением тридцатилетнего режима Хосни Мубарака в Египте. В частности, в отношении этих событий часто используется термин Twitter-революция, автором которого выступил американский сетевой публицист и «киберскептик» Евгений Морозов, применивший это понятие к беспорядкам в Молдове еще в 2009 году⁷. Согласно наивной версии произошедшего, растиражированной журналистами, разгневанные египтяне, пользователи социальных сетей, договорившись между собой онлайн, вышли затем на улицы и заявили о своем намерении мирно добиваться ухода Мубарака в отставку. Социальные сети при этом стали одновременно символом революции и ее основным оружием, мобиливающим и направляющим протест. Эта интерпретация, предполагающая, что протест гомологичен социальной сети и в принципе неотделим от нее, мало соответствует реальности, и является скорее предметом folk-политологии, мистифицирующей социальный потенциал интернета. В более широком контексте его можно классифицировать как разновидность мифа о Прометее, в котором цифровые технологии приходят в отсталый и угнетенный мир для того, чтобы освободить людей от гнета.

Наиболее известная критика folk-политологии такого типа содержится в статье Малькольма Гладуэлла, опубликованной The New Yorker⁸. Среди египетских бунтовщиков было очень немного активных пользователей Twitter и Facebook — эта цифра составляет, по разным оценкам, не более нескольких процентов. Правительство Мубарака заблокировало использование социальных сетей в стране еще до начала основной волны выступлений, а большинство сетевых координаторов протеста находились за пределами Египта и не могли непосредственно участвовать в уличных акциях. Главная линия аргументации Гладуэлла, впрочем, основана на сравнении событий Арабской весны с массовыми выступлениями в защиту прав черного населения США в середине XX века. Здесь Гладуэлл отмечает, что в случае спонтанных, на первый взгляд, манифестаций чернокожих стояли сплоченные, хорошо организованные группы активистов, между

7. URL: http://neteffect.foreignpolicy.com/posts/2009/04/07/moldovas_twitter_revolution.

8. URL: http://www.newyorker.com/reporting/2010/10/04/101004fa_fact_gladwell.

которыми существовали так называемые сильные связи, то есть готовность к коллективным действиям, сопряженным с риском. Социальные сети не могут дать нам таких связей, поскольку наши «френды» в Facebook, чаще всего, совсем не являются нашими друзьями в общепринятом смысле слова. Мобилизационного потенциала социальных сетей с их «слабыми связями» недостаточно, чтобы вывести людей на улицу и заставить их перейти к акциям, направленным на свержение политического режима. Спонтанный протест не может стать революционной силой, способной бороться с аппаратом принуждения государства. Реальной причиной свержения Мубарака стали не социальные сети, о которых писали журналисты, но наличие в стране оппозиционных кланов, враждебных режиму, и специфики демографической ситуации — большого количества безработной молодежи.

Евгений Морозов хотя и оказался невольным соавтором мифа, в дальнейшем также выступил в качестве одного из главных его критиков. В своей книге «Наваждение сети»⁹ он активно использует термин *slacktivism*, который на русский язык можно перевести как «пассивизм». В отличие от реального активизма, который требует усилий, временных затрат и зачастую связан с риском, *slacktivism* просто имитирует участие и приносит моральное удовлетворение. *Slacktivism* процветает в интернете — в ходе «революционных событий» в России в начале 2012 года даже возник специфический словарь *slacktivista*, который шаблонно возмущается политическим режимом, картинно поражается его трусостью и требует от соратников «максимального репоста»¹⁰. Другой популярной формой *slacktivism* является использование политической символики для оформления изображения пользователя социальной сети («аватарки»). В русскоязычной ленте Twitter может даже возникать конкуренция между «государственниками» с российским триколором и «оппозиционерами» с белыми лентами. Морозов обобщает эту идею, ссылаясь на так называемый эксперимент датского психолога Андерса Колдинг-Йоргенсона, который в 2009 году создал группу в Facebook, посвященную защите исторического фонтана в Копенгагене. Колдинг-Йоргенсон утверждал, что власти хотят снести фонтан, и уже в первый день на защиту фонтана подписались сотни людей. Через несколько месяцев в группе числилось более 27 тысяч «активистов», хотя никакой реальной проблемы с фонтаном не существовало, и никаких действий, соответственно,

9. *Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom.* NY: PublicAffairs, 2011.

10. См.: Минин С. Максимальный репост! // Большой город. 29.05.2012. URL: <http://www.bg.ru/opinion/11112/>.

от участников группы тоже не требовалось. Группы такого рода легко создаются, но столь же подвержены манипуляциям извне и чаще всего не в состоянии поддерживать долгосрочную активность, ориентированную на достижение стратегической цели.

Подобную критику следует признать убедительной. Интернет в действительности не является магической технологией по производству политики и политических революций. И все же на этом рано ставить точку. Социальные сети могут участвовать в долгосрочной политической трансформации общества, выполняя при этом специфическую функцию формирования нового социального пространства, новой формы публичного существования человека в условиях упадка традиционных форм социальной жизни в городах.

Первый шаг к пониманию этой политической функции социальных сетей связан со своеобразным «расколдовыванием интернета», предполагающим понимание его внутренней эволюции. Ранний интернет, существовавший в 90-е годы прошлого века, обладал двумя существенными чертами. Во-первых, его участники переживали себя как элитарное сообщество одиночек-творцов. Сеть представляла собой набор небольших уникальных сайтов, созданных энтузиастами, экспериментирующих с интерфейсами и контентом своих виртуальных вотчин. Именно тогда возник термин «веб-серфинг», предполагавший хаотичное перемещение между отдельными страницами сети, частично связанными друг с другом гиперлинками, но все же самостоятельными. Рудиментом этой метафоры кибер-путешествия остается функция поисковой системы Google «I'm feeling lucky», отправляющая пользователя на случайную веб-страницу. Во-вторых, постулировалось существование интернета в отдельной виртуальной реальности, противопоставленной оффлайному миру со всей его ограниченностью и архаичностью. Отчасти формированию этой идеологии способствовала сама архитектура World Wide Web, принципиально ориентированная на автономность, доступность любого фрагмента сети каждому пользователю и независимость от национальных правительств. Характерным образцом самосознания раннего интернета, сочетающим в себе тезисы об элитарности и изолированности от остального мира, можно назвать «Декларацию независимости киберпространства» Джона Перри Барлоу, опубликованную в сети в 1996 году¹¹.

В нынешней ситуации оба эти тезиса несостоятельны как с точки зрения социологии, так и в силу концептуальных причин. Отдельные сайты в интернете в основном поглощены ме-

11. URL: <https://projects.eff.org/~barlow/Declaration-Final.html>.

ждународными социальными сетями-корпорациями, работающими по образцу Facebook или Google. Такие социальные сети ориентированы уже не на элитарных пользователей-экспериментаторов, но на обывателей, не желающих разбираться в принципах работы технологии и изучать языки веб-программирования. Им предоставляется стандартизированный набор функций, причем прибыль корпораций (особенно это верно в отношении Facebook) напрямую зависит от их способности оставлять пользователя на своем сайте, предоставляя все услуги (медиа, покупка товаров, общение) внутри самой социальной сети. Подавляющее большинство образованных жителей западных стран подключено к интернету. В России, по данным Яндекса, 47% совершеннолетних граждан в 2011 году пользовались интернетом. Количественный рост участников сети ведет к изменению ее социальных функций: интернет больше не является изолированной реальностью. Скорее, он выступает в качестве медиума большинства обыденных и повседневных практик, таких как образование, торговля или досуг. Сеть становится источником информации о транспортных системах города, отслеживаемых в реальном времени, проводником покупателя среди океана распродаж, посредником между учителем и учеником. Сеть сегодня — это место, где присутствует каждый из нас, и одновременно инструмент, при помощи которого мы организуем свою жизнь во всех ее аспектах. Не существует больше ни противопоставления между сетевой элитой и оффлайн-обывателем, ни различия между виртуальным и реальным. Виртуальное инициирует реальные события и наоборот.

В этой логике развития современного интернета социальные сети уже не выступают в качестве простого места для общения и обмена новостями. Вокруг сетевых групп в городах вырастают локальные городские сообщества самого разного толка, возникают новые социальные практики, придуманные в сетевом мире и перенесенные затем в город. Это культура флешмобов и хеппингов, дискуссионных клубов и кофеен как «третьих мест» между работой и домом. Социальные сети оказываются разомкнутыми, повернутыми лицом к городскому пространству. В терминах Гладуэлла динамика слабых связей может приводить к формированию сильных связей нового типа, не существовавших прежде. Более того, развитие социальных сетей формирует новую культуру публичности. Пользователь социальных сетей и блогер осознает, что его высказывания и действия в виртуальном пространстве являются объектом постоянного наблюдения со стороны окружающих и могут иметь самые прямые последствия в «реальном мире». Профессиональная карьера может закончиться крахом в результате публикации в сети

неуместной фразы, но дело не только в этом. По образу человека в сети в принципе судят о его достоинствах и недостатках, о его пригодности к выполнению тех или иных социальных обязательств, его образованию и вкусах.

Это возвращает нас к политической проблематике. Для начала вспомним, что революция — это сугубо городской феномен. Невозможно представить себе революцию, начатую и реализованную вне городской площади. В работе Ричарда Сеннета «Падение публичного человека»¹² приведено объяснение этого феномена: политическая мобилизация возможна в том случае, если существует разделение на революционных акторов и толпу, которая наблюдает за некоторым событием. Для этого нужна площадь, витрина, ресторан, пространство с открытым доступом. Политика возможна там, где есть возможность устанавливать значимые социальные связи, выстраивать режим солидарности и коллективного действия. Класс и религия больше не дают достаточных оснований для таких социальных связей, институт семьи лежит в руинах, наше общество не знает профессиональных цехов. Современные социальные сети, переплетенные с локальными городскими сообществами, создают эту новую визуальную перспективу для революционной активности, обеспечивают ей глубину и динамику. Они выступают в качестве декораций, на фоне которых может разворачиваться политическое действие. Активизм, в классическую индустриальную эпоху сосредоточенный вокруг промышленного производства в городах, перемещается в новый фокус, заданный сетью и городскими сообществами, поддерживаемыми ею. Общество, состоящее из атомов-индивидов, трансформируется в сетевое коммьюнити, которое может порождать как симулятивные, так и реальные практики политического участия. Именно поэтому сеть в первую очередь является угрозой для тех политических режимов, в которых отсутствуют иные легальные формы политики.

Социальные сети могут приводить в долгосрочной перспективе к созданию устойчивых политических групп, фундаментом которых становится новая публичная культура. Ханна Арендт противопоставляла современное западное общество, в котором лишь производительный труд считается достойной формой существования, идеалу античного государства, ориентированного на деятельное политическое участие граждан в общем деле¹³. Возможно, политическая интернет-революция в конечном счете будет состоять именно в возвращении республики.

12. Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2002.

13. Арендт Х. *Vita Activa*, или о деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000.